

Михаил Кузмин. Пять разговоров и один случай

Оригинал здесь: [МИТИН ЖУРНАЛ](#)

Начало случая

Приезжий не знал, что его везут на улицу Смычки. Не знал этого и извозчик, чувствуя, что Смычкой скорее могут называться или отравляющие воздух папиросы, или младенцы женского пола, не свыше пятилетнего возраста, хотя и этих последних их толстомордые матери и сознательные отцы предпочитали называть Феями, Мадоннами и Нинель. Как бы то ни было, Виталий Нилыч Полухлебов был доставлен до места назначения. В заставленной шкапами и вешалками передней, он снял котелок и голова его оказалась необыкновенно похожей на ночную посуду без ручки. Сестра его, не обращая внимания на невинную неприятность его наружности, повела его в столовую, где уже кончали утренний кофе, ее взрослые дети Павел и Соня. Багаж с наклеивкой "Берлин" снесли в боковую комнату, назначенную для гостя. Приезжий говорил тихо и правильно, подбирая точные выражения, как иностранец, был почтенен, вежлив и растерян.

Впечатление тихого и какого-то домашнего неприличия, по-видимому, чувствовалось и домашними, так как иногда среди разговора они умолкали, тупились и краснели. Только Виталий Нилыч безоблачно журчал, не моргал и избегал менять выражение невыразительного лица. Он был хорошо вымыт и одет опрятно. В комнате было ужасно много мебели, будто ее снесли из трех квартир, и голоса не разносились в пространстве, а падали обратно, так что все говорили вполголоса. Впрочем, Полухлебов и вообще говорил тихо.

§ 2. 1-й разговор о мебели

В большой гостиной стиля Люд<овика> XVI - 80-х годов <-> камин, зеркала, рояль, портьеры, горки, бра, картины, ковры, пуфы, шелк, бронза, даже книги в переплетах Шнеля и Мейера. Светлый вечер, окна открыты. Красный дом напротив еще освещен солнцем. Виталий Нилыч, сестра его Анна Ниловна Конькова, ее дети, Павел Антоныч и Софья Антоновна. Возраст: 45, 50, 25 и 28. Старшие брат и сестра говорят вполголоса. Младшие вообще молчат. Молодой человек покурил, покурил и ушел. Соня перебирает ноты у рояля, будто ей смертельно скучно. Пыль везде вытерта, но кажется, что все покрыто пылью, даже плешь Полухлебова.

В.Н. Меня одно удивляет, хотя удивление вообще свидетельствует о некотором несовершенстве нашего мозгового аппарата. Так вот, меня удивляет несоответствие того, что я здесь нашел, с тем, что я ожидал встретить.

А.Н. Я тебе не раз писала о наших делах.

В.Н. Ну да, ну да, я по твоим письмам и судил, не по газетным же известиям. И я ожидал совсем другого.

А.Н. Всего не напишешь, не передашь.

В.Н. Совершенно верно. Но я удивлен, я был потрясен, если бы не был человеком тренированным.

А.Н. Что же тебя так потрясает, если это не секрет?

В.Н. Наоборот, я хочу разобраться в этом. Я колебался между ужасом и блестящей судьбой с нашей, ну понимаешь, нашей точки зрения. Я не нахожу ни того, ни другого, но заменена точка зрения.

А.Н. Объяснись.

В.Н. Вы не в блестящем и, конечно, не в ужасном положении, но в непонятном. У вас роскошная обстановка...

А.Н. Она не наша.

В.Н. Я вижу. В этом то и дело. Чья же она?

А.Н. Я уж не помню. Марголиных каких-то... прежних владельцев.